

великолепные
ДЕТЕКТИВНЫЕ
истории

Елена Логунова
Хрустальное счастье

Галина Романова
Неожиданный герой

Татьяна Устинова
Объект поклонения

Альбина Нури
Они помогут

Людмила Мартова
Муха села на варенье

Елена Бриолле
Тайна соломенной шляпы

Анна Полякова
Лето в банке

Елена Терехова
Ключик с секретом

Уютный дачный
ДЕТЕКТИВ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У99

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *Д. Сазонов*

У99   **Уютный** дачный детектив: сборник рассказов. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-04-244603-0

За деревянными калитками среди клумб и грядок кипят не только дачные заботы, но и самые настоящие расследования. Обычные дачники оказываются втянуты в загадочные истории: таинственные исчезновения, секреты соседей, странные находки и происшествия, о которых не рассказывают в новостях. Здесь вместо профессиональных сыщиков — внимательные хозяйки, наблюдательные пенсионеры и случайные свидетели, умеющие замечать то, что ускользает от взгляда других. Аромат чая с вареньем, шёпот листвы и тихие вечера становятся фоном для интриг, неожиданных открытий и смелых разгадок. Тёплый, атмосферный и увлекательный, этот сборник доказывает: даже в самом уютном месте может скрываться большая тайна!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-244603-0

•СОДЕРЖАНИЕ•

Елена Логунова
ХРУСТАЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ
7

Галина Романова
НЕОЖИДАННЫЙ ГЕРОЙ
46

Татьяна Устинова
ОБЪЕКТ ПОКЛОНЕНИЯ
83

Альбина Нури
ОНИ ПОМОГУТ
88

Людмила Мартова
МУХА СЕЛА НА ВАРЕНЬЕ
109

Елена Бриолле
ТАЙНА СОЛОМЕННОЙ ШЛЯПЫ
169

Анна Полякова

ЛЕТО В БАНКЕ

213

Елена Терехова

КЛЮЧИК С СЕКРЕТОМ

250

ЕЛЕНА ЛОГУНОВА

• «ХРУСТАЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ» •

Где пирог? — Бабка привстала, опираясь ладонями о стол, и требовательно посмотрела в проем двери слева.

— Несу, несу! — весело пропела Маришка в кухне.

— Где Левка? — Бабка повернула голову вправо.

— Иду, иду! — в тон Маришке ответил Левка из полумрака спальни, слегка размытого голубоватым свечением экрана.

Удовлетворенная ответами бабка с важным видом, как Председатель Политбюро, опустила на свое место во главе стола, и тут Артемов, сам того не ожидая, вдруг спросил:

— А где ваза?

— Ваза? Где ваза?! — тут же всполошилась бабка.

Она снова приподнялась и оглядела столовую, поворачиваясь, как пулеметная турель. Зафиксировала взгляд на дверном проеме прямо перед собой и замерла, будто принимая парад, а из бывшей дедовой, ныне артемовской комнаты должны были выйти, стуча в барабаны, пионеры с ответом-речовкой:

Эту вазу наш отряд
Не видал сто лет подряд!

Отряд не выступил, и разочарованная бабка плюхнулась на стул, выдавив из подушки утомленное «Пуф-ф-ф!» и облачко пыли. Под столом укоризненно чихнул кот.

— А все ты, Мишка! — уличила бабка Артемова, наставив на него узловатый указательный палец.

— Да я эту вазу сто лет не видел! — попытался оправдаться тот.

— А допрежь того ходил вокруг нее и облизывался, как кот на сметану! — припомнила бабка и показала, как Артемов облизывался «допрежь того», то есть сто лет назад.

— Да ладно? — весело удивилась Маришка, явившаяся из кухни с пирогом. Она поставила его на стол, поправила, чтобы красиво было, улыбнулась Артемову: — Наш

папа зарился на какую-то вазу? Не верю, он же у нас известный воздержник, постник и аскет. Да, сын?

— И стойк, — с удовольствием подсказал из своей подсвеченной гаджетом пещеры непочтительный сын. Не иначе, в интернете синонимы посмотрел. — И анахорет.

— Цыть, Левка! — Бабка пристукнула ладонью по столу. — Мал еще такие слова говорить!

— А че такого, ба? — Призрачное голубое сияние в спальне погасло, Левка вышел в столовую, бухнулся на стул и сразу же потянулся к пирогу, но Маришка ловко хлопнула его по рукам ладонями в стеганых прихватках, упреждая грабеж и разбой. — Ну, ма! — возмутился Левка. — А че звали-то, если есть еще нельзя? Че, сначала молитвы читать будем?

— Сначала будем мыть руки! — объявила Маришка и мотнула головой, указывая сыну направление.

Тот встал, путаясь длинными ногами в складках скатерти, ножках стула и, судя по недовольному придавленному мяву, в лапах кота. Убрел в кухню, там что-то скрипнуло, брякнуло, с грохотом ударила в железо тугая струя, захрустело беспощадно сминаемое полотенце.

— Вымыл! — Левка вернулся, держа руки с покрасневшими ладонями над головой, как пленный фриц. — Теперь разрешите ли откусывать, матушка?

— Теперь дозволим, — милостиво разрешила Маришка и положила почтительному сыну на тарелку самый большой и красивый кусок пирога.

Бабка пронаблюдала за этой сценой с довольной ухмылкой, но стерла ее, едва все приступили к трапезе.

— Ба? — Артемов воспросительно глянул на нее.

— Где же ваза-то, а? — тоскливо пробормотала бабка.

Артемов мысленно надавал себе оплеух.

Бабке было под девяносто. Она старательно бодрилась, изображая из себя бравую командиршу, а все ей подыгрывали — кукситься и киснуть в семействе было не принято. Но, оставаясь в одиночестве, бабка съеживалась, как сдувшийся воздушный шар, и часами разглядывала пожелтевшие снимки в старом фотоальбоме. Лишний раз напоминать ей о прошлом не стоило, наоборот: от дел минувших дней ее надо было всячески отвлекать, удерживая в настоящем. «Заякорить» — называла этот процесс Маришка.

Ваза, которую так некстати вспомнил Артемов, мощно тянула бабку в прошлое.

Ваза была не просто вазой. Три кило хрусталя и тонна воспоминаний о былых счастливых днях в изящной форме сосуда для праздничных букетов, вот что такое была эта ваза. Артемов вспомнил: он и вправду облизывался на нее, когда был ребенком. Глаз от нее отвести не мог!

Ваза стояла на шкафу в комнате деда и в солнечных лучах из окна или в свете лампы на потолке сияла и радужно переливалась, лишая маленького Артемова покоя и сна. Как он восхищался этой вазой! Как страстно желал заполучить ее!

Однажды, не выдержав искушения, в отсутствие в комнате деда он стащил вазу со шкафа и аккуратно выбросил в форточку. Была зима, под окном высился сугроб, ваза канула в снег — предполагалось, что ненадолго. Маленький Артемов думал потихоньку ее забрать и увезти домой, в город, такой был план. Но память у маленького Артемова была короткая, о плане он быстро забыл, о вазе тоже, и даже удивился, когда бабка нашла ту в снегу за окном и устроила деду скандал-головомойку.

По версии бабки, тот самолично выбросил чудо-вазу в окошко по пьяни. Дед, которому

и вправду случалось иногда поддаться и начудить, с такой трактовкой событий спорить не стал, а маленького Артемова никто и не спрашивал. Сейчас он уже и не помнил, хотелось ли ему признаться в содеянном. И было ли стыдно?

Сейчас ему хотелось поскорее найти пропавшую вазу, чтобы бабка не куксилась, ныряя в прошлое, как в снежный сугроб, и не горбилась над альбомом со старыми снимками.

— Итак, дорогие мои, у нас есть вопрос. — Сразу после обеда Артемов увел Маришку с сыном в сад, усадил на бревно, исторически заменяющее собой скамью под яблоней, а сам встал напротив, как лектор. — Куда подевалась ваза?

— У меня есть другой вопрос: сегодня тихого часа не будет, что ли? — недовольно скривился Левка и выразительно потер глаза.

Вот интересно: в городе он лет с трех днем не спал, а в деревне заваливался на бочок четко с обеда до полдника!

Артемов с тоской подумал, что и сам бы сейчас с удовольствием вздремнул, но поощрять сибаритство отпрыска, как и свое собственное, не стал, наоборот, построжал:

И, вспомнив, что для Маришки слевой «та ваза» — пустой звук, развел руки, будто демонстрируя размер пойманной рыбы:

— Она примерно вот такая.

— В диаметре, сэр? — съязвил непочтительный сын.

Артемов повел руками, переворачивая воображаемую вазу, и дополнил характеристики:

— Хрустальная, шесть граней, на каждой — несколько выпуклых дисков, похожих на линзы.

— Красивая была? — сочувственно спросила Маришка.

Судьба пропавшей вазы определенно представлялась ей трагической. Артемов и сам подумывал: а не грохнула ли бабка свою хрустальную цацу? Вполне могла разбить и забыть. Склероз, все такое.

— Разделимся, — решил Артемов. — Сын, на тебе сарай. Жена, на тебе чердак. А я ищуща за пределами двора.

— То есть на папе целый большой мир, ты поняла? — подмигнул маме непочтительный сын.

Артемов погрозил ему пальцем, поддернул шорты и зашагал к калитке, за которой открывался большой мир.

Целый. В отличие, вероятно, от вазы.

Когда-то поселок был райцентром, но со временем это гордое звание потерял, став обычной деревней. Улица, впрочем, не сильно изменилась. Один ее конец по-прежнему упирался в синеющий вдалеке лес, другой сползал к речке. Артемов огляделся и пошел вниз, но остановился как вкопанный под окном соседнего дома, уловив невыразимо притягательный запах вишневого варенья. Даже не так — бодро булькающего густого сиропа с лениво ворочающимися в нем сочными ягодами.

Он шумно потянул носом.

— Мишка, ты, что ли? — Между крыльями кружевных занавесок показалось красное, как те вишни, лицо.

Катерина, соседка.

— Здрасьте, тетя Катя, — поздоровался Артемов. — А как вы поняли, что это я?

— По тапкам, — кивнула соседка и спряталась, договорив уже из кухни: — Звонкие они у тебя.

Тапки были не тапками, а древними шлепанцами-сланцами. Их некогда белые перепонки давно приобрели благородный цвет слоновой кости и покрылись сеточкой кракелюра, как антикварный фарфор. Резиновые подошвы промялись под рельеф стоп, обра-

зовав два идеальных слепка, но шлепали по пяткам с прежним юношеским задором. Артемов обожал эти тапки. Они составляли оптимальный летний комплект с черными сатиновыми трусами, которых бабка в свое время нашла для деда с таким запасом, что их и внуку хватило. Трусы и шлепки были любимым домашним нарядом Артемова.

На выход он, впрочем, надел футболку и шорты.

— Ну, че ты встал? — шевельнулись занавески. — Заходи, поможешь с пенками.

Артемов мигом вспомнил те пенки — розовые, пышные, горячие, восхитительно сладкие, — и как помогал с ними бабке, когда та вот так же варила варенье. Ноги в звонких тапках сами понесли его в соседский двор и дом.

За забором кто-то отчетливо хихикнул. Не иначе, непочтительный сын, не успевший дойти до назначенного ему сарая. Артемов смешок игнорировал и даже громче, не без вызова, зашлепал любимыми тапками. Как бы давая понять, что у него тут важное дело, и это не дегустация вкусных пенек, а опрос возможного свидетеля, вот!

Тапки он сбросил в сених — у соседки полы были намыты до блеска — и протопал в кухню.